УДК 93(94)

ББК 63.3(2)

DOI 10.31554/2222-9175-2020-37-23-30

И. Н. Мамкина

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРОВ ВОСТОЧНОЙ ОКРАИНЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Уделено внимание деятельности генерал-губернаторского корпуса во внешнеполитической сфере. Определены особенности реализации внешнеполитических задач в Приамурье и Забайкальской области. Установлено, что действия генерал-губернаторов носили противоречивый характер. Обосновывается суждение, что несогласованность национальных и геополитических интересов оказывала влияние на деятельность местных властей.

Ключевые слова: внешняя политика, генерал-губернатор, власть, окраина, Китай, безопасность.

I. N. Mamkina

FOREIGN POLICY ASPECTS OF THE ACTIVITIES OF GENERAL GOVERNORS OF THE EASTERN EDGE OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Attention is paid to the activities of governor general in foreign policy. The features of the implementation of foreign policy tasks in the Amur Region and Trans-Baikal Region are determined. It was established that the actions of governors-general were controversial. The judgment is substantiated that the inconsistency of national and geopolitical interests influenced the activities of local authorities.

Keywords: foreign policy, governor general, power, outskirts, China, security.

Институт генерал-губернаторства получил широкое освещение в научной литературе. Авторы уделили внимание как отдельным аспектам деятельности генерал-губернаторов, так и генерал-губернаторскому корпусу Восточной Сибири в целом [Гимельштейн 2004; Дамешек, Дамешек 2014, 2018; Матханова 2016; Ремнев 1993, 1997]. В контексте изучения института генерал-губернаторов привлекает внимание внешнеполитическое направление в деятельности властей. Направление предполагает широкий круг задач, связанных с безопасностью, экономикой, демографией, культурой, что, безусловно, заслуживает самостоятельного, комплексного изучения. Современные исследования внешнеполитической деятельности администрации восточной окраины представлены рядом работ, ориентированных на Приамурское генерал-губернаторство [Анисимов 2008; Дубинина 2019; Макуха 2008].

За рамками научного интереса остается Забайкальская область, входившая в состав генерал-губернаторства с 1884 по 1906 г. Необходимо отметить, что реализация отдельных внешнеполитических аспектов в области имела свою специфику. Целью данной работы является исследование особенностей реализации внешнеполитической деятельности администрации в Приамурском генерал-губернаторстве и Забайкальской области.

Расширение территории Российской империи на востоке неизбежно привело к вопросу о границе с сопредельными азиатскими государствами, в первую очередь с Китаем. Заключение Нерчинского договора в 1689 г. наметило пограничные территории, находившиеся до середины XIX в. в совместном пользовании России и Китая. Подписание в середине XIX в. Айгунского и Пекинского договоров юридически оформило государственную границу Российской империи на востоке. Правобережные земли по течению рек Амур, Уссури, Сунгари отошли в состав России, левобережные закрепили за Китаем. Приграничное сотрудничество полагало определенные формы взаимодействия в области внешних сношений. Для решения пограничных вопросов учреждались должности пограничных комиссаров, осуществлявших взаимодействие двух сторон.

Дополнительным звеном в механизме внешнеполитической деятельности выступал институт чиновников по дипломатической части. В 1862 г. при генерал-губернаторе Восточной Сибири создана дипломатическая канцелярия, которую возглавил титулярный советник Н. Т. Лаубе. В 1896 г. учреждена должность чиновника по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе, на которую был назначен Я. Я. Лютш.

Таким образом, к концу XIX в. сформировался механизм приграничного взаимодействия. В осуществлении внешнеполитической деятельности генерал-губернаторов связующим звеном являлись пограничные комиссары, чиновники по дипломатической части, дипломатическая канцелярия. Учитывая правовой статус и широкие полномочия генерал-губернаторов, очевидно, что ведущим актором осуществления внешнеполитической деятельности на востоке страны выступал генерал-губернаторский корпус.

Безусловно, одним из ключевых направлений внешнеполитической деятельности генерал-губернаторов становится обеспечение безопасности государственной границы и укрепление российского присутствия на приграничных территориях. Власти видели решение проблемы в наращивании военной мощи на границе и ограничении потока китайских мигрантов на территорию края. До 1880-х гг. перемещение населения на приграничных территориях строго не контролировалось китайской стороной. Чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе А. Н. Грушецкий отмечал, что «появление русских после 1860 г. на левом берегу Амура в нынешнем Уссурийском крае, то есть в местностях мало заселенных китайцами не нарушало интересов последних» [ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15500. Л. 21]. Принципы совместного пользования долинами рек Амурского бассейна «вполне естественно и глубоко проникли в сознание местных жителей» [Там же. Л. 1об.]. Местное население пользовалось сенокосными, охотничьими, рыболовными угодьями на маньчжурском берегу заходя вглубь Маньчжурии до сотни верст.

Режим пользования приграничными территориями изменился в 1880-х гг. Китайские власти пересмотрели принципы пограничного взаимодействия в сторону ужесточения контроля вдоль границы, проходившей по Амуру. Впервые были выставлены пограничные караулы и пикеты. Китайские власти попытались ввести «пошлины по общему иностранному тарифу», по аналогии установленных пошлин для иностранных держав, пересекавших морскую границу. А. Н. Грушецкий отмечал,

что принятые китайской стороной меры «отразились неблагоприятно на развитии наших традиционных сухопутных отношений» [ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15500. Л. 2].

С этого момента важной задачей генерал-губернаторов становится сохранение «естественного развития прежних традиций в сухопутных отношениях с Китаем» [Там же]. Генерал-губернаторы стремились не допустить распространения правил и принципов международной практики взаимодействия иностранцев в Китае. Чиновник по дипломатической части рекомендовал в случае затруднений прибегать к переговорам, но помнить, что «у китайских властей нет средств в защите даже несомненных их прав» [Там же. Л. 2об.].

Восстание ихэтуаней в 1898–1900 гг. в Китае, обстрел Благовещенска обнаружили слабую защищенность российской границы и обозначили необходимость ее укрепления. Одним из аспектов обеспечения безопасности становится контроль численности китайцев на правом берегу Амура. В период «боксерского» восстания китайское население переселилось вглубь Маньчжурии. В 1902 г. российские власти получили сведения о секретном распоряжении цзянь-цзюня Хэйлудзяна о необходимости возвращения китайского населения на прежние места проживания на правом берегу Амура [Там же. Л. 4об.]. Подобное положение не могло не вызывать тревогу у местной администрации.

По инициативе генерал-губернатора Н. И. Гродекова на правом берегу Амура сохранили ряд пунктов, занятых русскими войсками. Расселение китайского населения в «трехверстной полосе против постов по Амуру: Ильинского, Марии Магдалены, Ридде, Мохо, Четвертой пади» было запрещено [Там же]. В распоряжении относительно поселений говорилось: «Меры эти должны были выполняться без большой огласки, но и без послаблений» [Там же].

К 1903 г. география правобережных пунктов расширилась. По инициативе исполняющего обязанности генерал-губернатора А. С. Беневского список дополнило селение Лохисусу, находящееся в трех верстах от Амура, в устье Сунгари. В Лохисусу располагался пограничный пост, таможенная застава, карантинный пункт, интендантские склады, начиналась телеграфная линия на Сунгари.

Позднее запрет селиться китайцам на правом берегу Амура распространился на места с трудными перекатами: пункт напротив станицы Кольцевой, д. Толоходы (Никанка) и в месте транспортной развязки путей напротив станицы Екатерино-Никольской [Там же. Л. 5].

Наиболее компактно китайское население проживало в местечках Мохэ и Четвертой пади. Общее количество жителей составляло около 5 тыс. чел. В этих поселениях население контролировалось пограничным комиссаром Амурской области, опиравшимся на комендантов ближайших постов и деревенских старост, назначенных из числа местных жителей. Местные власти отмечали, что «возвратившееся население настолько привыкло к русской власти, что за разрешением своих споров, даже по бракоразводным делам, обращалось к комендантам постов» [Там же. Л. 8об.].

Принятые генерал-губернаторами меры по усилению военно-административного присутствия России на правом берегу Амура были одобрены и подтверждены императором Николаем II [Там же. Л. 4об.].

В 1878 г. цинские власти отменили запрет на переселение китайцев в Маньчжурию, что способствовало колонизации приграничной китайской территории. Переселенцам в Гириную и Хэйлунцзянскую провинции бесплатно предоставлялись участки земли в приграничной полосе, с дальнейшим освобождением от налогов на пять и более лет. Увеличилось число китайских мигрантов, отправлявшихся в Россию в поисках работы.

Въезд и проживание иностранных подданных на территории Российского государства регулировал ряд нормативных актов, принятых во второй половине XIX в. Указ от 7 июня 1860 г. «О правах прибывающих в Россию иностранцев» закреплял за мигрантами личные, имущественные права, право предпринимательской деятельности наравне с российскими подданными. Порядок пребывания иностранцев в Россию регулировался положением, принятым 7 декабря 1864 г. «О сроке, в течение коего иностранцы могут проживать в России по своим национальным паспортам, а также выезжать из оной по сим паспортам».

Въезд в Россию осуществлялся по паспортам, выданным Русской дипломатической миссией или консульством, или по национальным паспортам, заверенным российскими дипломатическими представителями. Паспорт давал возможность в течение шести месяцев находиться в России. По истечении полугода иностранцы получали билет на жительство, с указанием имени и фамилии, подданства, места рождения, звания, вероисповедания, семейного положения, личных примет. Билет выдавался в администрации губернатора на год [СЗРИ 1899].

Законодательство получило широкую практическую реализацию в европейской части России. На востоке страны его применение вызвало некоторые трудности. По сведениям Е. М. Бреус, в Китае единообразные гражданские идентификационные документы появились после 1911 г. [2012: 3–22]. До этого времени китайские мигранты для перехода границы получали справки от местной пограничной администрации. Кяхтинский пограничный комиссар отмечал, что на забайкальском участке границы «выдача билетов на право перехода предоставлена китайским правительством исключительно маймаченскому царгучею» [ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2964. Л. 114]. Документ оформлялся на гербовой бумаге на китайском и монгольском языках. Нередко одна справка выдавалась на несколько человек. Срок действия такой справки составлял от 100 дней до года. За выдачу документа на 100 дней китайскими властями взималась плата в «10 кирпичей чая», за год – «одно место чая». На русской границе китайский документ оставался у пограничного комиссара, вместо него каждый мигрант получал индивидуальное удостоверение. В дальнейшем китайцы зачастую меняли «подлинные имена свои как трудные для выговора и запоминания русскими ... обыкновенно переменяют на монгольские, к которым русское ухо более привычно» [Там же. Л. 21об.]. Пограничный комиссар приводил примеры подобной замены. Так, Синг Тайлунь становился Шаравдием, Пи Ютлон – Баяндием. В дальнейшем отследить передвижение мигранта было сложно. На данное обстоятельство обращали внимание полицейские власти, указывая на невозможность осуществления розыскных мероприятий. Данные обстоятельства обусловили необходимость адаптации общероссийского миграционного законодательства к пограничным условиям Сибири и Дальнего Востока.

В 1880-х гг. Приамурский генерал-губернатор барон А. Н. Корф с целью усиления контроля над прибывающими мигрантами ввел в крае билетную систему. Согласно Правилам о порядке выдачи китайским подданным русских билетов, мигрант был обязан завизировать свои национальные документы в местной администрации с обязательной оплатой пошлины, что давало ему право находиться в пределах края в течение месяца. При необходимости длительного пребывания выдавался русский билет на год. После оплаты пошлины билет подписывался в канцелярии губернатора и вручался мигранту. За нарушение сроков визирования документов и получения билета предусматривался штраф в размере пяти руб. Билетная система начала действовать в 1885 г. в Приморской и в 1886 г. – в Амурской областях.

Обратим внимание, что нововведения А. Н. Корфа противоречили общероссийскому миграционному законодательству. Во-первых, визирование национальных

документов сопровождалось обязательным денежным сбором. Во-вторых, срок пребывания в крае по национальным документам с шести месяцев сокращался до одного. В-третьих, получение русского билета было возможно при оплате пошлины, которая превосходила обычный гербовый сбор, оплачиваемый остальными иностранными подданными в европейской части России. По мнению властей, именно пошлина должна была способствовать ограничению числа китайских мигрантов, стремящихся на заработки в Россию. В 1888 г. Государственный совет, не меняя миграционного законодательства, утвердил право Приамурского генерал-губернатора на введение дополнительных сборов с китайских и корейских мигрантов, находящихся на территории края в течение 10 лет, что стало законным основанием для введения билетной системы.

С 1889 г. правила о порядке выдачи китайским подданным русских билетов неоднократно продлевались. В новых редакциях увеличивался размер пошлины и дополнялись места перехода границы.

Вместе с тем в Забайкальской области сохранялись установленные до принятия билетной системы правила пребывания китайских мигрантов. Троицкосавский окружной начальник в 1892 г. в донесении военному губернатору подчеркивал, что в Троицкосавском округе «переход границы китайскими подданными как проживающими по торговым делам в Троицкосавске, так равно и по другим местностям Забайкальской области и за пределами оной, а также приезжающие в наши пределы и по своим собственным делам совершается исключительно только через Кяхтинскую торговую слободу и под наблюдением пограничного комиссара» [ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2964. Л. 14–15]. По данным Кяхтинского пограничного комиссара, в 1887 г. право на въезд получили 636 китайцев, в 1888 г. – 656, в 1889 г. – 708, в 1890 г. – 589, в 1891 г. – 621 [Там же. Л. 14–15].

Власти сохраняли прежнюю систему перехода, апеллируя к установившимся традициям в приграничных населенных пунктах. Кяхтинский пограничный комиссар отмечал: «...Применение новой паспортной системы нежелательно в принципе, едва ли обойдется без осложнений и сильных неприятных столкновений с китайскими властями. В настоящее время мы, можно сказать, владеем приграничной Монголией. Многие тысячи нашего пограничного населения пользуются всеми монгольскими угодьями, заходя при этом за сотню верст без билетов... без всяких стеснений с их стороны». По мнению комиссара, введение билетной системы было равносильно тому, что «мы убили бы курицу, несущую для нас золотые яйца» [Там же. Л. 260б.].

После появления китайских пограничных пикетов в 1880-х гг. право пользования угодьями определялось старшинами пикетов сначала за взаимные услуги, позднее за плату в 2000 руб. в год [Там же. Л. 27]. И только в Забайкальской области пользование угодьями на маньчжурском берегу осталось без изменений. По данным кяхтинского пограничного комиссара, в 1887 г. из 870 русских подданных, посетивших Китай, только 210 брали билеты для перехода границы, в 1888 г. – 164 билета из 530 чел., в 1889 г. – 132 из 481, в 1890 г. – 146 из 507, 1891 г. – 192 из 1289 [Там же. Л. 260б.]. В общей сложности за период с 1887 по 1892 г. 2833 (77 % от общего числа) российских подданных перешли границу без документов.

Доводы о необходимости сохранения прежней пропускной системы убедили Приамурского генерал-губернатора. В циркуляре № 1177 от 8 сентября 1894 г. значилось: «по приведенным соображениям я признаю возможным повременить введение во вверенной вам области паспортной системы для китайцев, какая установлена для них в Амурской и Приамурской областях» [Там же. Л. 27].

Сохранение малоэффективной, устаревшей пропускной системы в Забайкальской области объяснялось противоречивой позицией властей. Необходимость усиления контроля над китайскими подданными сталкивалась с желанием сохранить позиции в Северной Маньчжурии, избежав при этом «придирчиво-враждебных отношений» со стороны Китая в регионе. Реализация миграционного законодательства в Забайкальской области во второй половине XIX в. продемонстрировала доминирование геополитических интересов государства.

Открытие в 1838 г. И. А. Павлуцким в Забайкальской области Карийской россыпи положило начало крупной золотодобыче в регионе. С 1843 г. велась частная добыча золота по течению рек Витим и Чикой, в Верхнеудинском округе. Наряду с открытием новых месторождений золота, ростом частной золотодобычи процветала нелегальная торговля «хищническим золотом» и ханшином – китайской водкой. Похищенное на приисках золото зачастую скупали или меняли на ханшин китайцы. Впоследствии золото вывозилось контрабандой в Китай.

Торговля «хищническим золотом» при участии китайцев приобрела организованный характер. Из донесения кяхтинского пограничного комиссара известно, что контрабанда «...выработала среди лиц, причастных к этому делу, известную организацию этого рода торговли; причем передвижение более значительных партий золота к Маймачену скупщиками обставлено с такими предосторожностями, что уловить время и способ провоза самая бдительная полиция может только по особой счастливой случайности» [ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2964. Л. 25].

Попытка русских властей повлиять на ситуацию через пограничную администрацию Китая ни к чему не привела. Действия царгучея Линь-хоу по пресечению скупки золота в Маймачене привели к выраженному недовольству. «Общество маймаченских купцов было сильно раздражено против Линь-хоу за вмешательство в торговые дела их» [Там же]. Ухудшение криминогенной ситуации в Забайкальской области явилось одной из причин отказа от традиционных форм пограничного взаимодействия. Полицейские и пограничные власти в Забайкальской области ходатайствовали о введении Правил порядка выдачи китайским подданным русских билетов. В Правилах содержался перечень строго установленных пунктов для перехода границы. Перечень включал пункты, указанные в Санкт-Петербургском договоре 1881 г., дополнительно переход границы разрешили в станции Сретенской.

Правила закрепили порядок пограничного перехода. Китайские подданные, прибывшие без торговых гильдейских свидетельств, предоставляли для визирования в местное станичное управление национальный документ. Станичный атаман, подписывая документ, указывал дату и номер визы. С мигранта взималась пошлина в размере 30 коп., виза действовала месяц. Данные о визировании вносились в шнурованную книгу, которая считалась документом строгой отчетности. Ежемесячно в Амурскую контрольную палату и Забайкальское областное правление предоставлялись сведения о числе заверенных документов.

Для более длительного пребывания выдавался русский билет. Право выдачи билетов закреплялось за кяхтинским пограничным комиссаром, городским или окружным полицейским управлением, станичным правлением, в полосе Забайкальской железной дороги начальниками Яблоновского, Читинского, Сретенского, Карымского отделений временного Забайкальского жандармского полицейского управления Сибирской железной дороги. Билет подписывал вице-губернатор Забайкальской области. В 1899 г. пошлина составляла 3 руб., из них 1,9 руб. отчислялись в казну, 80 коп. – гербовый сбор, 30 коп. – канцелярский сбор. Русский билет пришнуровывался к китайским идентификационным документам и действовал один год.

Китайские торговцы, прибывшие по гильдейским свидетельствам, приказчики торговых лавок со специальными свидетельствами, а также лица, перешедшие границу в Троицкосавском, Акшинском, Нерчинско-Заводском округах для временного пребывания в пределах 50 верст, освобождались от уплаты сборов в казну. Правила были введены 9 сентября 1899 г. распоряжением Приамурского генерал-губернатора.

Таким образом, закрепление российско-китайской границы в середине XIX в. обусловило расширение внешнеполитического аспекта деятельности местной администрации, о чем свидетельствует учреждение специальных служб и назначение уполномоченных должностных лиц. Значительная протяженность российско-китайской границы, слабая заселенность территории обусловили особенности реализации внешнеполитической деятельности администрации в Приамурском генерал-губернаторстве и Забайкальской области. Стремясь сохранить традиционные отношения с Китаем, основанные на совместном пользовании приграничными территориями, власти пресекали любые попытки ограничения в реализации российских интересов. Для обеспечения безопасности приграничных территорий в начале XX в. по инициативе генерал-губернаторов реализован ряд мер по усилению военно-административного присутствия на правом берегу Амура. Действия генерал-губернаторов нередко носили противоречивый характер.

Учитывая специфику приграничного региона, местная администрация инициировала принятие ряда локальных нормативных актов, направленных на ограничение миграции китайских подданных на территории Приамурского генерал-губернаторства, за исключением Забайкальской области, где сохранялись прежние традиции совместного использования приграничных территорий. Спустя 13 лет власти были вынуждены отказаться от устаревшей системы пограничного контроля в связи с участвовавшими случаями организованной контрабанды «хищнического золота».

Противоречивость внешнеполитической деятельности генерал-губернаторов была обусловлена расхождением национальных и геополитических интересов империи. Стремление укрепиться в Маньчжурии ограничивалось слабостью социально-экономического развития восточной окраины, что, безусловно, отражалось на принимаемых решениях генерал-губернаторского корпуса.

Источники и литература

- Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 1.
Свод законов Российской империи (СЗРИ). Т. XIV. Устав о паспортах. Ст. 129, 134, 135, 137, 139. – СПб.: Тип. Второго отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1899. – 908 с.
Анисимов Л. В. Роль администрации Восточной Сибири в становлении российско-китайской приграничной торговли в Амурской области / Л. В. Анисимов // Власть и управление на востоке России. – 2008. – № 3(44). – С. 158–166.
Бреус Е. М. Идентификационные документы в Китае: история, структура, национальная идея / Е. М. Бреус // Этнографическое обозрение. – 2012. – № 1. – С. 3–22.
Гимельштейн А. В. Генерал-губернаторский корпус Восточной Сибири. Компетенция и социология власти / А. В. Гимельштейн // Россия и Сибирь. Проблема взаимодействия в региональной политике в исторической ретроспективе. Ч. 1. – Иркутск, 2004. – С. 53–73.
Дамешек Л. М. Генерал-губернаторский корпус Сибири / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек // Вестник Томского гос. ун-та. Сер. История. – 2014. – № 5(31). – С. 4–10.
Дамешек Л. М. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.) / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек. – Иркутск: Оттиск, 2018. – 416 с.
Дубинина Н. И. Н. И. Гродеков о военных событиях в Маньчжурии в 1900–1901 гг. и их последствиях для освоения Приамурья / Н. И. Дубинина // Россия и АТР. – 2019. – № 2. – С. 75–89.

Макуха Н. А. Отношение дальневосточной администрации к китайской колонизации Северной Маньчжурии в конце XIX – начале XX в. / Н. А. Макуха // Власть и управление на востоке России. – 2008. – № 2(43). – С. 80–85.

Матханова Н. П. Деятельность генерал-губернаторов Восточной Сибири: закон и практика / Н. П. Матханова // Известия Иркутского гос. ун-та. Сер. История. – 2016. – Т. 15. – С. 22–30.

Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика первой половины XIX в. / А. В. Ремнев. – Омск: Омский гос. ун-т, 1993. – 237 с.

Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX вв. / А. В. Ремнев. – Омск: Омский гос. ун-т, 1997. – 252 с.

References

Gosudarstvennyj arhiv Zabajkal'skogo kraja (GAZK). F. 1.

Svod zakonov Rossijskoj imperii (SZRI). T. XIV. Ustav o pasportah. St. 129, 134, 135, 137, 139. – SPb.: Tip. Vtorogo otdeleniya Sobstvennoj E. I. V. kancelarii, 1899. – 908 s.

Anisimov L. V. Rol' administracii Vostochnoj Sibiri v stanovlenii rossijsko-kitajskoj prigranichnoj trgovli v Amurskoj oblasti / L. V. Anisimov // Vlast' i upravlenie na vostoке Ros-sii. – 2008. – № 3(44). – S. 158–166.

Breus E. M. Identifikacionnye dokumenty v Kitae: istoriya, struktura, nacional'naya ideya / E. M. Breus // Etnograficheskoe obozrenie. – 2012. – № 1. – S. 3–22.

Gimel'shtejn A. V. General-gubernatorskij korpus Vostochnoj Sibiri. Kompetenciya i sociologia vlasti / A. V. Gimel'shtejn // Rossiya i Sibir'. Problema vzaimodejstviya v regional'noj politike v istoricheskoy retrospektive. Ch. 1. – Irkutsk, 2004. – S. 53–73.

Dameshek L. M. General-gubernatorskij korpus Sibiri / L. M. Dameshek, I. L. Dameshek // Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Ser. Istoriya. – 2014. – № 5(31). – S. 4–10.

Dameshek L. M. Sibir' v sisteme imperskogo regionalizma (1822–1917 gg.) / L. M. Dameshek, I. L. Dameshek. – Irkutsk: Ottisk, 2018. – 416 s.

Dubinina N. I. N. I. Grodekova o voennyh sobyitiyah v Man'chzhurii v 1900–1901 gg. i ih posledstviyah dlya osvoiniya Priamur'ya / N. I. Dubinina // Rossiya i ATR. – 2019. – № 2. – S. 75–89.

Makuha N. A. Otnoshenie dal'nevostochnoj administracii k kitajskoj kolonizacii Severnoj Man'chzhurii v konce XIX – nachale XX v. / N. A. Makuha // Vlast' i upravlenie na vostoке Ros-sii. – 2008. – № 2(43). – S. 80–85.

Mathanova N. P. Deyatel'nost' general-gubernatorov Vostochnoj Sibiri: zakon i praktika / N. P. Mathanova // Izvestiya Irkutskogo gos. un-ta. Ser. Istoriya. – 2016. – Т. 15. – S. 22–30.

Remnev A. V. Samoderzhavie i Sibir'. Administrativnaya politika pervoj poloviny XIX v. / A. V. Remnev. – Омск: Омский гос. ун-т, 1993. – 237 с.

Remnev A. V. Samoderzhavie i Sibir'. Administrativnaya politika vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv. / A. V. Remnev. – Омск: Омский гос. ун-т, 1997. – 252 с.